

А. В. Литовская

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Комедия Аристофана в работах М. М. Бахтина и О. М. Фрейденберг

Литовська О. В. Комедія Арістофана у роботах М. М. Бахтіна та О. М. Фрейденберг. Статтю присвячено аналізу різних підходів до усвідомлення ролі комедії Арістофана у становленні європейської культури, літератури та театру. Традиційні підходи, що спираються на визначення комедії, подане Аристотелем у «Поетиці», на погляд автора, вичерпали свою продуктивність на сучасному етапі розвитку літературознавства. Основна увага приділена розгляду місця давньоаттичної комедії у концепціях М. М. Бахтіна та О. М. Фрейденберг та обґрунтуванню великого евристичного потенціалу використання цих концепцій у їх зіставленні та взаємодоповненні.

Ключові слова: *давньоаттична комедія, Арістофан, народна сміхова культура, гротеск, сатира, осміяння.*

Литовская А. В. Комедия Аристофана в работах М. М. Бахтина и О. М. Фрейденберг. Статья посвящена анализу различных подходов к пониманию роли комедии Аристофана в становлении европейской культуры, литературы и театра. Традиционные подходы, опирающиеся на определение комедии, данное Аристотелем в «Поэтике», по мнению автора, исчерпали свою продуктивность на современном этапе развития литературоведения. Основное внимание уделено рассмотрению места древнеаттической комедии в концепциях М. М. Бахтина и О. М. Фрейденберг и обоснованию большого эвристического потенциала использования этих концепций в их сопоставлении и взаимодополнении.

Ключевые слова: *древнеаттическая комедия, Аристофан, народная смеховая культура, гротеск, сатира, осмеяние.*

Litovskaya A. V. Aristophanes' comedy in works by M. M. Bachtin and O. M. Freidenberg. The article is devoted to analysis of different approaches to interpretation of the role of Aristophanes' comedy in the development of European culture, literature and theatre. Traditional approaches based on definition of comedy given by Aristotle in *Ars Poetica*, to the judgment of the author, have lost their productiveness at the modern stage of literature study's development. Main attention is paid to considering the place of Old Attic Comedy in the M. M. Bachtin's and O. M. Freidenberg's concepts and substantiation of huge heuristic potential of application of these conceptions in comparison and complementarity.

Key words: *Old Attic Comedy, Aristophanes, folk laughter culture, grotesque, satire, derision.*

Древнеаттическая комедия всегда представляла большой интерес как для специалистов по античной литературе, так и для культурологов, философов, историков литературы и театра. Ведь сохранившиеся комедии Аристофана – одновременно и исток европейской комедийной традиции, и уникальный культурный феномен, долгие столетия не имевший аналогов в мировой литературе.

Следует отметить, что почти все исследователи древнегреческой комедии, обращаясь к творчеству Аристофана опираются на Аристотелевское понимание комедии, изложенное в его «Поэтике»: «Комедия – это воспроизведение худших людей, но не во всей их порочности, а в смешном виде» (Arst. Poet., V, 1449b).

Принцип «воспроизведения худших людей в смешном виде» позволяет ученым определять древнеаттическую комедию, в зависимости от предполагаемого исследователем объекта высмеивания, то как комедию политическую, то как антирелигиозную, то направленную против софистов, то против Еврипида или Сократа. Такие исследователи, как Г. Гусейнов, С. И. Радциг, С. И. Соболевский, И. М. Тронский, В. Н. Ярхо и др. называют Аристофана «сатириком», «публицистом», «памфлетистом», «агитатором», «пропагандистом», «критиком и теоретиком литературы», то есть литератором, работающим в системе жанров, которые во времена Аристофана еще не сложились [4; 5; 7; 8; 10; 16].

Те же черты его комедий, которые нельзя объяснить злободневной сатирой или выражением определенной идеологии, – приписываются неким загадочным свойствам древней комедии и называются «раздутым шаржем, размалеванным, визгливым шутовством и клоунадой» [5:176].

Поиски объектов осмеяния в комедиях Аристофана оказались приоритетными для большинства исследователей литературы. В то же время проблемы взаимосвязи развития и становления древнегреческой литературы с формированием мировосприятия человека, активно разрабатываемые в первой половине XX века, потеряли свою остроту.

Это обуславливает цель нашей работы – обращение к концепциям М. М. Бахтина и О. М. Фрейденберг, а также рассмотрение вопроса о возможности и целесообразности использования этих концепций в контексте актуализации вопросов, связанных с истоками европейской комедии. Исчерпанность традиционных подходов к исследованию древнеаттической

комедии, сложившихся в середине прошлого века, свидетельствует о необходимости поиска новых оснований, способствующих переоценке и переосмыслению истоков европейской комедийной традиции.

Обращение к работам М. М. Бахтина при исследовании античной комедии представляется нам закономерным. Многие ученые, среди которых В. Б. Шкловский и М. И. Стеблин-Каменский, указывали на эпизодичность обращения к творчеству Аристофана как на существенный недостаток работы М. М. Бахтина о Рабле и видели большие возможности для применения концепции народной смеховой культуры в этом направлении [15; 11]. Древнеаттическая комедия занимает значимое место в его концепции комического. Она является одной из форм «смеховой литературы» древности наряду с сатировыми драмами, мимами, сатурналиями, в которых можно найти гротескный тип образности [1:39]. По мнению М. М. Бахтина, «существенные элементы реализма» формируются на всех этапах развития античного гротеска: «в гротескной архаике, в гротеске классической эпохи и в позднеаттическом гротеске». Ученый настаивал на неправомерности восприятия этих элементов как «грубого натурализма» [1:39].

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» М. М. Бахтин указывает на то, что «ритуал еды, питья, ритуальная (культовая) непристойность, ритуальная пародия и смех как обличия смерти и новой жизни, – без всякого труда прощупываются в основе комедии, как культового действия, переосмысленного в литературном плане» [2:368]. Поэтому «все явления быта и частной жизни совершенно преображаются в комедии Аристофана: они утрачивают свой частно-бытовой характер, становятся человечески-значительными при всем своем комическом обличий» [2:368]. Автор утверждает: «громкая социально-политическая обобщенность символического характера органически сочетается в его образах с комически бытовыми частными чертами, – но эти черты в сращении со своей символической основой, освещенные культовым смехом, утрачивают свой ограниченный частный бытовизм». В образах Аристофана «мы явственно видим еще культовую основу комического образа и видим, как на нее наслаиваются бытовые краски, еще настолько прозрачные, что основа просвечивает через них и преображает их. Такой образ легко сочетается с острой политической и философской (мировоззренческой) актуальностью, не становясь при этом мимолетно-злободневным. Такой преображенный быт не может сковать фантастики и не может снизить глубокой проблематики и идейности образов» [2:368].

В концепции М. М. Бахтина важное место занимала идея двойного аспекта восприятия мира и человеческой жизни, который существовал на очень ранних стадиях развития человеческой культуры. На ранних этапах «рядом с серьезными (по организации и тону) культами существовали и смеховые культы, высмеивавшие и срамословившие божество ("ритуальный смех")» [1:10]. Постепенно «в условиях сложившегося классового и государственного строя полное равноправие двух аспектов становится невозможным и все смеховые формы одни раньше, другие позже – переходят на положение неофициального аспекта, подвергаются известному переосмыслению, осложнению, углублению и становятся основными формами выражения народного мироощущения, народной культуры [1:11]. Исследователь отмечает, что «они, конечно, уже очень далеки от ритуального смеха первобытной общины» [1:11].

М. М. Бахтин развивает свою мысль: «Но для народной смеховой культуры продолжает быть характерным неразрывное единство «космического, социального и телесного». Это единство подано в своем «всенародном, праздничном и утопическом аспекте» [1:25]. Поэтому на всех этапах гротескный образ «характеризует явление в состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы, в стадии смерти и рождения, роста и становления. Отношение к времени, к становлению – необходимая конститутивная (определяющая) черта гротескного образа. Другая, связанная с этим необходимая черта его – амбивалентность» [1:31].

Понимание античной комедии как проявления народной смеховой культуры, как этапа в развитии гротескного реализма предоставляет широкие возможности для пересмотра существующих представлений о комедии Древней Греции и Рима. Такой подход позволяет воспринимать произведения Аристофана не только как остро политическую сатиру, но выявляет глубинные связи с архаикой, дает возможность увидеть его комедии в их композиционной и содержательной целостности, придает смысл, тому, что называли «грубой комикой» и «балаганом». Здесь следует указать, что идеи М. М. Бахтина остаются практически невостребованными в сфере изучения древнегреческой комедии, более того, в последние десятилетия все большую популярность набирает тенденция критики концепции народной смеховой культуры за «абсолютизацию» смеха [3; 9]

На необходимости понимания древнеаттической комедии, да и всей античной литературы, вне традиционно устоявшихся литературоведческих систем указывает и О. М. Фрейденберг. Она

обращается непосредственно к проблемам древнеаттической комедии в работах «Образ и понятие» (1942–1954) и «Комическое до комедии (к происхождению теории качества)» (1942–1944). К сожалению, большинство исследователей античной литературы не предпринимали попыток использовать эти работы в своих исследованиях.

Тезис, исходный для обеих работ, сформулирован в «Образе и понятии»: «Неповторимое своеобразие древней комедии заключается в древности мыслительной системы, создавшей эту комедию» [14:291]. «Древняя комедия представляла собой первую форму литературной комедии, первую во всем мире. Она впервые со времен балагана сделала живых людей литературным персонажем. Этот факт чрезвычайно интересен и значителен, гораздо значительнее того, идеологом какой прослойки землевладельцев был Аристофан» [14:296] – говорит О. М. Фрейденберг в «Образе и понятии». Потому «искать идей в комедиях Аристофана это значит не понимать главной особенности древней комедии и требовать «идейного содержания» и «социально-политической направленности» от античной пародии» [14:294]. Согласно О. М. Фрейденберг, древнеаттическая комедия является не «реалистической», а «лудифицированной», «архаистической» [14]. Архаистичность, автор понимает как «нахождение на стыке двух мышлений». В древней комедии «комизм» строится на несоответствии мифического и реалистического», что «специфицирует весь жанр. Оно дает комический эффект не только мифу, не только «политике», но и рождает гротеск....» [14:298].

Автор «Образа и понятия» следующим образом формулирует основные особенности древнеаттической комедии: «ее главным действующим лицом был сам автор. В этом ее архаика, в этом ее неповторимая и главная особенность» [14:291]. Природа автора комедии еще «единично-множественна, субъектно-объектна. Хор – автор. Автор – это хор» [14:292]. Изменения, произошедшие под влиянием «понятийной переработки» древней комедии «в тематической новизне: полисная тема приняла характер «политической», хотя и очень номенклатурный, выразившийся в инвективизации «политических» лиц да в изображении карикатурных «политий». Затем, в роли автора, который умеет использовать архаичную структуру и парабазы, и всей комедии, наполняя ее современной тематикой... Затем, понятийная переработка сказывается и в переходе «современности», присутствующей в балагане непосредственно, в форму первого литературного обобщения, то есть в сюжет и в персонаж» [14:297–298].

Следующей своей работой, «Комическое до комедии», О. М. Фрейденберг опровергает свои собственные выводы о комедии Аристофана как о первой литературной комедии, а также такой литературной форме, в которой уже в значительной мере отразилось формирование понятийного мышления.

Теперь О. М. Фрейденберг выделяет два рода древней комедии: «Один – это аристофановский фарс, с его древним, до-качественным, мифологическим материалом. Другой – бытовой, жанр дорической бытовой комедии, лишенный хоров и мелики. Это две различные эпохи сознания» [13:116]. Развитие бытовой комедии исследовательница связывает с появлением категории качества, которая «снимает метафорическое различие между 'реализмом' и 'комизмом'» [13:115]. Автор утверждает: «Слияние 'комического' и 'реалистического' происходит, конечно, в глубине веков, однако, не раньше самого конца родового общества: в классовом обществе уже рождается этика, религия и искусство. Совсем иное дело, как датируется использование до-этического или до-качественного материала, которое не совпадает с генезисом ни по времени, ни по последовательности» [13:117].

Этим несовпадением использования доэтического материала с генезисом объясняется то, что фарсы (по определению О. М. Фрейденберг) Аристофана представляют жанр, который начал свое становление еще в VI в. до н.э. Исследовательница характеризует фарс Аристофана как «бытообразный», но ни в коем случае не «реалистический» [13:104].

Комизм фарсов Аристофана в «мнимости всего происшедшего, торжестве гибриста, свергнувшего богов, сокрушившего миропорядок. В победе ложного над настоящим, неправды над правдой. Этот комизм еще до-этичен, а потому и до-комедиен» [13:107]. О. М. Фрейденберг добавляет: «Поверх него лег слой современной Аристофану политики и комедийной комичности – слой, однако, самый верхний» [13:107]. Поэтому, по мнению исследовательницы, древнегреческая комедия не является, с точки зрения литературной комедии IV века, «подлинным комедийным жанром».

Следует подчеркнуть, что, согласно О. М. Фрейденберг, становление понятийного мышления, являющееся условием формирования категории качества и литературных жанров, не оставляет места для «обратимых образов (амбивалентности), их уничтожает категория качественного различия,

которая возникает вместе с самой концепцией качества» [13:115]. Исследовательница настаивает на том, что «сперва этих качеств лишь два: зло, дурное (былой антитотем) и добро, хорошее (тотем)» [13:115]. Мы считаем, что такое выделение лишь двух противоположных категорий существенно ограничивает масштабность выводов автора. А обращение к понятию амбивалентности является еще одной из причин, дающей нам возможность сопоставлять взгляды О. М. Фрейденберг и М. М. Бахтина.

Кроме того, хотелось бы отметить, что О. М. Фрейденберг, говоря о комическом, не уделяет достаточного внимания проблемам смешного и смеха. Рассмотрение же этого вопроса невозможно без обращения к работе М. М. Бахтина.

На наш взгляд, все вышеизложенное позволяет сделать вывод о ряде точек соприкосновения концепций двух выдающихся исследователей, среди которых проблема плаче-смеховой и народной смеховой культур, реализма и гротеска, мировоззренческого аспекта становления комедии, соотношение смешного и серьезного, амбивалентности и утопичности. Дальнейшая разработка данной проблематики позволяет по-новому отнестись к сложившимся концепциям понимания древнеаттической комедии и открывает новые горизонты в исследовании генезиса европейской комедии.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М. : Худож. лит., 1990. — 541 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М. : Худож. лит., 1975. — 504 с.
3. Гаспаров М. Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века / М. Л. Гаспаров // М. М. Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М. Бахтина в контексте мировой культуры. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 33—36.
4. Гусейнов Г. Аристофан / Г. Гусейнов. — М. : Искусство, 1987. — 272 с.
5. Лосев А. Ф. Античная литература : учебн. для высшей шк. / А. Ф. Лосев ; под ред. А. А. Тахо-Годи — М. : ЧеРо, 2005. — 543 с.
6. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. — М. : Мысль, 1982. — 623 с.
7. Мальчукова Т. Г. Комическое в античной литературе и европейская традиция / Т. Г. Мальчукова. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1989. — 95 с.
8. Радциг С. И. История древнегреческой литературы / С. И. Радциг. — М. : Высшая шк., 1977. — 551 с.
9. Рюмина М. Т. Эстетика смеха : смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. — М. : УРСС, 2003. — 314 с.
10. Соболевский С. И. Аристофан и его время / С. И. Соболевский. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — 421 с.
11. Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика / М. И. Стеблин-Каменский. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. — 173 с.
12. Тронский И. М. История античной литературы / И. М. Тронский. — М. : КомКнига, 2005. — 464 с.
13. Фрейденберг О. М. Комическое до комедии / О. М. Фрейденберг // Миф и театр : лекции. — М., 1988. — С. 74—127.
14. Фрейденберг О. М. Образ и понятие / О. М. Фрейденберг // Миф и литература древности. — М., 1978. — С. 173—490.
15. Шкловский В. Б. Франсуа Рабле и книга М. Бахтина / В. Б. Шкловский // Избранное : в 2 т. Т. 1. — М. : Худож. лит., 1983. — 640 с.
16. Ярхо В. Н. Аристофан / В. Н. Ярхо. — М. : Худож. лит., 1954. — 134 с.